

● К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Трудовой фронт Антонины

не находишься. После окончания школы горела желанием поступить в Каменский целлюлозно-бумажный техникум, но мать не пустила: зачем тебе город? И такого образования (по тем временам оно считалось приличным) достаточно. Дочь не могла ослушаться старших. А тут война.

18-20-летних ребят из их местности вместе с ровесниками из других сельсоветов с первых дней призвали на борьбу с врагом, девчат по мобилизации отправили на строительство оборонительных сооружений. Кто копал противотанковые рвы, кто делал надолбы, а она возила камни для строительства ДОТов и ДЗОТов, составлявших оборонительный рубеж. Он должен был стать преградой для переправы немецких танков через Волгу.

Нелегко приходилось вчерашним школьницам. Не разгибая спин, босонogie, они собирали камни по полям окрестных деревень, грузили их на телеги и везли к указанным местам, где вскоре вырастали оборонительные сооружения. Антонина Ниловна вспомнила своих деревенских: Оля Веселова, Маша и Тоня Олесовы.

— Были с нами и трое девчат из Гафидова. Они ездили домой на лошади, а мы жили в Рябове. Днем работа одна, ночью другая: надо выпасать лошадей, да так, чтоб сыты были.

Сердце сжималось от боли, когда видели тянувшиеся по дороге вереницы беженцев, угоняемый скот.

В Карпово немцы пришли в ноябре 1941-го. Население срочно эвакуировалось. Машины остановились в Жерновке, небольшой деревушке километрах в пятнадцати от Молодого Туда. Когда после освобождения района вернулись, на месте большинства строений — пепелища. Сгорел и их дом. Глаза не высохали от слез. Как жить, с чего начинать? Хорошо хоть, что уцелел амбар. Настелили кое-какими досками пол, для сохранения тепла обмазали стены глиной. Какое-никакое жильё.

Предусмотрительная Прасковья Яковлевна сумела перед приходом фашистских оккупантов закопать пять мешков зерна. Оно очень пригодились, можно сказать, спасло от голодной смерти. Добросердечную женщину

благодарили соседи — делилась с ними.

Не один железнодорожный состав с молодыми девушками уже отправился со станции Селижарово в разные города Сибири и Урала. По возрасту к отправке в ФЗО подошла и Тоня. Ее конечным пунктом стала Москва. На заводе «Серп и молот» делала крючки для боеприпасов. Отработав три месяца, вместе с землячками З. Чернышовой, Н. Павловой, Л. Медведевой и А. Уваровой сбежала домой.

Ее трудовой фронт продолжался. В Безымянке готовила дрова и на быках возила двухметровки для паровозов на железнодорожную станцию Брылёво, вместе с деревенскими женщинами копала в посевную, пахала на быках. Да мало ли каких дел приходилось выполнять?!

Девушка и представить себе не могла, что придется работать в парикмахерской.

— Находилась она на Рабочей улице, — пояснила. — Заведующим был М.И. Локтев.

После войны разворачивалось восстановление народного хозяйства. Со стройматериалами было еще сложно, потому в некоторых деревнях использовали кирпич с закрытых в богоборческие времена церквей.

— Я сделала один рейс, собралась в другой. И тут в кустах что-то хрустнуло. Конь взбрыкнул и копытом рассек мне бровь, — Антонина Ниловна провела рукой по оставшейся бороздке. — А мужчина, который наверху разбивал церковь, упал и больше уже не встал. Видать, не то дело выбрали мы себе.

В 50-е годы она сменила фамилию, вышла замуж за А.М. Петрова. Молодые стали жить в Черном Дмитрове. Супруг работал трактористом в совхозе «Соколово», Антонина Ниловна на разных участках сельхозпроизводства: ухаживала за свиньями, возила молоко — грузила и разгружала тяжеленные металлические фляги. В браке у них родились три сына (в живых двое). Сейчас Антонина Ниловна, труженица тыла, живет с одним из них в Соколове.

Когда наша встреча подходила к концу, хозяйка на минуту вышла в другую комнату, откуда вернулась с медалью «70 лет Победы в Великой Отечественной войне», которую вручил недавно глава Большекошинского сельского поселения Ю.М. Колосов. Такую награду могли бы получить и те бойцы, что покоятся на братском захоронении недалеко от дома. Они сложили головы ради нашей жизни, ради победы.

Надежда РОМАНОВА.

Всякий раз, встречаясь со старожилками, не перестаешь удивляться их мужеству, незлобivosti, твердости духа. Неимоверно тяжелое — военное время — выпало на их долю. Выстояли, победили, заново отстроили фабрики, заводы, школы...

Антонине Ниловне в январе исполнилось 89. В таком возрасте практически у всех дают о себе знать болезни. И у нее на столе целая аптека. Только эта стойкая женщина не жаловалась, что «скачет» давление, покружива-ет голову, плохо «носят» ноги. Откуда быть здоровыми-то, если большая физическая нагрузка всю жизнь?

Родилась она в дер. Карпово бывшего Пестовского сельсовета. В отличие от большинства деревенских того времени у Прасковьи Яковлевны и Нила Николаевича Макиных было только двое детей — дочь и сын.

По тому, как последовательно рассказывала о своей жизни, мысленно уносясь в прошлое, подумала: какая же крепкая память! Назвала свою первую учительницу: Пелагея Ивановна Роголева. Родом из Манухина, уточнила. В школе работали также сестры Стрельцовы.

Семилетку она заканчивала в Ельцах, что километрах в десяти от Карпова. Жила в интернате — домой каждый день

Голос войны

Воронье кружило над нашим домом огромной черной стаей: птиц привлек крик пойманного нами, детьми, вороненка. Стая сопровождала нас, бегущих от леса, до самого поселка и вот теперь с оглушительным криком облепила весь наш дом и двор, кружила над головами.

Расставаться с добычей мы не собирались, пока не увидели бегущую к дому маму Надежду Александровну. Никогда не забуду бледное, как полотно, ее лицо и застывший в глазах ужас. Вовсе не наша шалость привела ее в такое состояние.

Это было лето 1961 года. Тогда я, 5-летний ребенок, впервые услышала о войне. С ее окончания прошло 16 лет, но никто ни тогда, ни сейчас ничего о ней, как выяснилось, не забыл. А крик воронья был для матери голосом далекого 1943 года, голосом войны.

Маме было 10 лет, когда в ее родное Середкино (Ананкинский с/с) пришли немцы. Я никогда не слышала ни от нее, ни от бабушки о какой-либо лояльности фашистов к мирному населению. Разбои, грабежи, убийства, страх — вот что видели дети в то время.

Когда немецкие солдаты вошли в деревню, мама с 14-летним братом Димой были дома одни. Они выхватили из их рук и сожгли в печке учебник «Родная речь», стали обыскивать дом, забирая все более-менее ценное, теплую одежду, съестные припасы. Брата заставили разуться, чтобы забрать

его обувь. Он попытался сопротивляться, хотел убежать, но фриц жестоко избил его прикладом винтовки. Возможно, и убил бы, если бы не подоспевшая мать, моя бабушка, которая, упав на колени, молила оставить детей. Дима все-таки был убит: погиб на фронте, уйдя с освободившими деревню нашими войсками. Тогда ему еще не было 17 лет.

Середкино в зимнее время немцы безжалостно сожгли дотла. После войны деревню так и не отстроили, и сейчас лишь немногие сторожили знают о ее существовании. Люди, кто в чем успел, ютились в соседней, в чудом уцелевшем амбаре. Мамина подруга, такая же 10-летняя девочка, погибла от голода и простуды. Ее именем — Галя — она назвала меня: «Чтоб память осталась».

Люди в ту суровую зиму выжили, поддерживая друг друга, под грохот непрекращающихся канонад в стороне Ржева, дожидались весны, хоть какой-то травы для пропитания.

Когда на Ржевском рубеже произошёл перелом, появилась возможность добраться до города, чтобы достать хотя бы спичек. Мама пошла вместе со взрослыми. Вот тогда подо Ржевом они и увидели несметные полчища воронья над полями, усеянными телами погибших. Бои там были настолько кровопролитными, что специальные команды не управлялись хоронить убитых.

На обратном пути, уже непода-

леку от своей деревни, женщины решили сократить путь — пройти через лес. Здесь они увидели землянку, и там тоже убитые, совсем молодые ребята. И снова кружащее над головами воронье.

Позже о войне мне рассказывал отец Владимир Михайлович. Он был старше матери на семь лет. В армии служил на Дальнем Востоке. К тому времени его мать уже получила похоронки на двух своих старших сыновей Дмитрия и Александра (Александр окончил Ржевское ремесленное училище. В армии был лейтенантом. Погиб в первые дни войны в г. Николаеве). Можно представить, как плакала и кричала она, отправляя на войну своего младшего сына.

Отец участвовал в боевых действиях в августе 45-го в войне с милитаристской Японией. От самой даты веет трагизмом: война фактически окончена, а все-таки подавала свой жуткий голос похоронками на сыновей, мужей, отцов.

В составе войск Забайкальского фронта (113-й мотострелковый полк) участвовал в операции по форсированию хребта Большой Хинган, считавшегося совершенно непреодолимым естественным рубежом. У подножия хребта каменные глыбы, вершина скрыта в туманной дымке выше туч. В этой военной операции были сосредоточены разные рода войск: 6-я Гвардейская танковая армия генерала-полковника Кравченко, артиллеристы и пехотинцы. Никогда в его рассказах не было пафо-

са — только тяжесть преодоленных трудностей на пределе человеческих возможностей.

На перевал двинулись тягачи, грузовики, легковушки — целая десятипятитысячная армада техники. Отец был шофером. В кузове его автомобиля миномет и боевой расчет из пяти человек. Уклон настолько велик, что бензин в баках переливался вниз, моторы глохли, приходилось нести автомобили на руках, втаскивать с помощью веревок. В первый день преодолели всего семь километров. Чем выше вползали на перевал, тем круче становился уклон — как будто вырастали новые скалы.

Историки сравнивают этот переход с переходом А.В. Суворова через Альпы. Да только те русские служили в армии по 25 лет, а эти были очень молоды, в основном 1926-1927 гг. рождения.

Отец всегда считал этот переход обычной задачей по обеспече-

нию безопасности дальневосточных границ, хотя и чрезвычайно тяжелой, завершившей войну. Маршал А.М. Василевский в своих мемуарах писал: «Форсирование Хинганского хребта вошло в историю не только отечественного, но и мирового военного искусства и явилось подвигом, не имеющим равных в современных войнах».

В числе других солдат мой отец был награжден медалью «За боевые заслуги» и письменной благодарностью И.В. Сталина.

В мирное время он долго и добросовестно работал на стекольном заводе. Его фотография висела на Доске почета.

Великая Отечественная коснулась почти каждой семьи в нашей стране, и мне думается, на века выработала иммунитет от толерантности к нацизму, к международной агрессии во всех ее проявлениях.

Галина ОРЛОВА.